

НАТАЛЬЯ БЕРЗИНА

NEW

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

Я НЕ УМЕЮ ПРОЩАТЬ!

Поездка на курорт обернулась настоящим кошмаром:
бандиты, наркотики и смертельная опасность...

Наталья Берзина
Я не умею прощать!

«Центрполиграф»

2011

Берзина Н. А.

Я не умею прощать! / Н. А. Берзина — «Центрполиграф», 2011

Лариса всегда завидовала Татьяне. Она даже убедила ее развестись с мужем, только чтобы посмотреть, как плохо будет той в одиночестве. Но Татьяна горевала не долго и вскоре отправилась отдыхать на курорт. Опустошенную, одержимую черной завистью Ларису вербуют в секту, под прикрытием которой работают наркоторговцы. Татьяна, отправившись на поиски новой любви, не подозревала, что оказалась в огромной опасности и ловушку ей подготовила лучшая подруга.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	29
-----------------------------------	----

Наталья Берзина

Я не умею прощать!

– Что ты предлагаешь?

– Не знаю! Наше счастье, что курьер шел почти пустой. Кто мог предположить, что собаки учуют траву? Ты уверен, что упаковка не была разорвана?

– Не должна была. Я распорядился и кофе от души насыпать. Не предполагаю даже, что могло произойти.

– Ладно. Теперь уже поздно горевать. Нужно восстанавливать канал. Традиционным способом уже переправлять нельзя. У меня есть кое-какие задумки.

– Какие именно?

– Пока говорить рано. Я перетру тему с одним человеком, он, кстати, у нас основной потребитель. Прикинь, вместо традиционного способа он продвигает тему через собственную организацию. Собрал стебнутых по жизни и устраивает для них развлекаловку. Подымит и предлагает развлечься всем вместе. Говорит, отбоя нет. У него там мужики в дефиците, самочки оголодали в край. Одно могу сказать, голова у него на месте. Сам, естественно, нигде не замечен. Его там полубогом считают. Подсаживает на дурь на счет раз.

– Ты хочешь сказать, что мои дилеры действуют неправильно?

– Ничего я не говорю! У каждого свои методы. Важен результат.

– И когда он будет? У меня уже готова солидная партия. Если бы не проблема на границе, уже вполне мог бы слить тебе любое количество дури.

– Потерпи недельку. Я пробую тему и свяжусь с тобой.

Мужчина небрежно швырнул трубку на стол. За окном бесшумно проносились по ночному проспекту дорогие автомобили. Взбодренные ночной прохладой после душного, жаркого дня, люди жаждали развлечений. Самая пора предложить им отшибающее разум зелье, да вот только сложности с таможней грозили всерьез затормозить весь процесс. Плеснув в широкий стакан немного виски, мужчина еще немного постоял у окна, залпом опрокинул в себя остро пахнущий напиток и решительно потянулся к телефону.

– Вик! Я тебя не разбудил? Подъезжай ко мне завтра. Перетрем твой вопрос. Кажется, тема назрела. По поводу курьера.

* * *

Волошин не спал. Он прислушивался к ровному дыханию Гали и прокручивал в памяти прошлое. Страшно было представить, что судьба, подарившая ему встречу с ней, приготовила такой удар. Разумом он понимал, что Галя потеряна для него навсегда, но смириться, принять это не было сил. Зачем тогда им нужно было встречаться? Откуда вообще взялся этот моряк? Ведь им так хорошо было вместе! Волошин впервые в жизни понял, что такое дом. Настоящий дом, где его любят и ждут. Только оказалось, что это всего лишь мираж, иллюзия, фантом. У него есть всего лишь жилище, а вовсе не дом. И жены нет! А есть лишь женщина, эти последние три месяца делившая с ним постель и хозяйственные хлопоты. Это он сам себе придумал, что Галя его жена. Как придумал, что у них будут дети и для них он построит большой уютный дом, где им так замечательно будет вместе. Так вышло, что ничего этого у него не случится, как не было всю жизнь. И все три месяца оказались только лишь эпизодом.

Оказывается, она его даже не любила, хотя говорила об этом довольно часто. Всего каких-то полчаса назад она рыдала у него на плече и просила простить. Да, он уже простил ее, потому что никогда не обладал на нее никакими правами. Она просто жила рядом, жила с ним и в то же время всем сердцем принадлежала тому далекому, незнакомому подводнику, который

так некстати попал в госпиталь, да так, что теперь вопрос стоял о его жизни или смерти. Сам Волошин не раз и не два смотрел в глаза этой пренеприятнейшей даме с косой на плече и, нужно честно признаться, несколько раз заглядывал ей за спину. Откровенно говоря, там ему совсем не понравилось. А многие его друзья и сослуживцы остались там, за чертой. И никто не спрашивал их согласия.

Волошин осторожно, боясь потревожить сон Гали, высвободил из-под ее головы руку и вышел на кухню. За окном короткая майская ночь уже собиралась покинуть город. В предрасветных сумерках тусклее стали фонари, кусты сирени под окнами буйствовали пока еще сочной зеленью и гроздьями цветов. Тишину разрывали трели соловьев, доносившиеся от близких прудов. Красота и благолепие... Вот только тупо ноет сердце и невыносимо горек дым сигареты. Почему все это случилось именно с ним? – недоумевал Волошин. В той, прежней жизни он никогда не подпускал женщин так близко к себе не потому, что разошелся с женой буквально через полгода после свадьбы. Нет! Он вполне справлялся с бытом и прочими заботами сам. Просто ни одна не зацепила его, ни разу в его душе не поселилось незабываемое чувство единения. Да в целом и женщин у него было совсем немного, так, короткие курортные романы, ничего серьезного. Он делал вид, что ему *это* необходимо, а его подружки делали вид, что им хорошо с ним. Как говорят в янkesовских фильмах – ничего личного. Личное появилось неожиданно, в образе продрогшей на студеном февральском ветру молодой женщины, одиноко мерзнувшей на пустынной троллейбусной остановке. То, что произошло дальше, не укладывалось ни в одну схему.

Голова болела так, словно в нее налили расплавленный свинец. Даже глаза открыть было невыносимо больно. Вязкая горечь уже подступала к горлу. Превозмогая себя, Таня поднялась на четвереньки и поползла. Рядом кто-то завозился и сонно забормотал. Руки нащупали край постели. С трудом придав себе вертикальное положение, женщина нашла дверь и вышла. Где-то должен быть туалет, знать бы где. Благо свет в коридоре горел, заветная дверь нашлась наконец, и Таня склонилась над унитазом.

Чтобы немного прийти в себя, она опустила на край ванны и вдруг увидела в зеркале собственное отражение. Лучше бы не видела. По всему бледному телу были видны следы чужих рук. «Боже мой, что я здесь делаю? Что произошло? Где я? С кем?» – подумала Таня, но даже такая попытка разобраться в ситуации вызвала лишь очередной приступ тошноты.

Когда уже, казалось, желудок вывернулся наизнанку, невыносимо захотелось пить. Она напилась прямо из-под крана, теперь вялые мысли приобрели некоторую направленность. Отрегулировав душ, Таня стала под упругие струи и только теперь начала что-то вспоминать.

Да, вчера она развелась с мужем. С человеком, рядом с которым прожила двадцать пять невыносимо долгих лет. Наконец она обрела полную свободу, и выходит, тут же ею воспользовалась на всю катушку. Если бы не Лорик со своим предложением отметить знаменательное событие в ресторане, такого бы наверняка не случилось. Непрерывный, двадцатипятилетний конфликт разрешился вчера. Навсегда! Прямо там, в зале суда, она едва не расцеловала своего теперь уже бывшего мужа.

Все, больше не нужно будет терпеть его выходки, не нужно будет смотреть на его вечно недовольную физиономию. Она свободна! Главное, он не станет больше читать ей нравоучений, что должна делать жена. Со вчерашнего дня она уже не жена, а совершенно свободная женщина, и он ей не указ. Хотя нужно признать, что последние лет пять он ничего ей уже не читал, скорее вообще не замечал. Конечно, заботился по-прежнему. Но так, на уровне собаки. Даже еще хуже, потому что с собакой он разговаривал, а с ней нет. Впрочем, нет, он не молчал, но отвечал на ее вопросы так односложно, что больше ни о чем спрашивать не хотелось. И плюс ко всему эта бесконечная череда любовниц! Что он находил в этом занятии, непонятно. Вчера она доказала ему, что ей тоже все позволено. Да! Да, черт возьми! Она провела эту ночь

с мужчиной, совершенно чужим, незнакомым, и пусть ей сейчас плохо, но вот только очень жаль, что он об этом ничего не узнает! Он все время говорил ей, что постель в супружеской жизни необходима, вот она прошла через постель – и что? А то, что теперь стыдно и больно. И противно, и следы чужих рук по всему телу и *там*, внутри, словно бы горит огнем, и на душе гадко, будто ее окунули с головой в омерзительные помои.

Она с остервенением терла и терла мочалкой свое поруганное тело, а слезы текли из глаз и не хотели никак останавливаться.

Таня быстро оделась в то, что нашла из своего, хотя на блузке недоставало половины пуговиц, а белья не осталось вовсе, лишь клочья кружев валялись там и сям. Пока она одевалась, удалось вспомнить, что приехала она сюда не одна, а с Лориком. Найти бы ее и бежать! Бежать отсюда домой, и как можно быстрее.

Лорика она нашла мирно спящей в объятиях такого же молоденького парнишки, как и тот, что остался в другой комнате. Осторожно, чтобы не разбудить парня, Таня растолкала подругу и чуть ли не силой вытащила в коридор. Голая Лорик зябко поеживалась и все порывалась вернуться обратно в теплую постель. Но иногда Татьяна бывала неумолимой. Подруге ничего другого не оставалось, как одеться и вместе с Татьяной выбраться из дома. Сверкающее июньское солнце только вставало над городом.

Такси им удалось поймать буквально через десять минут. Правда, цену водитель заломил несусветную, но ехать все равно было нужно.

Едва добравшись до дому, Татьяна отпустила Лорика досыпать, а сама нырнула в ванну. Здесь, в собственной квартире, сидя по горло в душистой пене, она наконец смогла немного собраться с мыслями.

А мысли были совсем невеселые. Еще бы, только вчера она развелась с мужем и сразу же оказалась в постели какого-то малолетки, да еще и в стельку пьяная. Ведь все так мило начиналось. Вернувшись домой, она сразу же позвонила Лорику, та тут же примчалась с поздравлениями. Подруга всегда недолюбливала Андрея,¹ как, впрочем, и мама. Все годы, что Татьяна была замужем, мама твердила: он тебе не пара, вам нужно развестись, зачем тебе гробить жизнь с этим неудачником, хотя сама почти одновременно с дочерью вышла замуж, причем за весьма обеспеченного человека. Это продолжалось постоянно: и когда муж служил, и когда уволился из армии, и потом, когда начал собственный бизнес. Хотя нужно признать, и Андрей не слишком жаловал Танину мать. Постоянно между ними вспыхивали стычки, которые лишь чудом не переросли в войну, особенно в последние годы, когда теща увлеклась нетрадиционной религией. Андрей начал активно противодействовать попыткам втянуть в непонятную секту еще и дочь.

Бутылочка кагора оказалась как нельзя кстати, и вскоре подруги уже весело комментировали все, что связано с бывшим мужем. Таня была действительно на седьмом небе от счастья. Никто теперь не будет указывать ей, как жить. Пусть теперь он делает что хочет, таскается по девицам, блудит сколько влезет, она будет жить спокойно. Лорик постоянно говорила, что Таня еще очень привлекательная женщина, никто не даст ей ее законных сорока пяти. Если она только свистнет, набегит столько кавалеров, сколько она пожелает. Слова Лорика бальзамом ложились на душу, она говорила то же самое, что и мама, а такие близкие люди просто не могли ошибаться. Татьяна с удовольствием выслушивала комплименты в свой адрес и весьма легко согласилась на предложение подруги продолжить празднование столь знаменательного события в ресторане.

Когда метрдотель поинтересовался, не будут ли дамы против, если к ним подсадят молодых людей, поскольку мест уже явно не хватало, Татьяна не стала сопротивляться, а Лорик,

---

¹ См.: Берзина Н. Смерть не берет выходных; По ком звонят колокольчики; Мой бывший враг.

та вообще сразу же согласилась. Вот тут-то все и началось. В интимной полутьме зала, подогретые выпитым, Татьяна и Лорик очень быстро познакомились с мужчинами, волею случая оказавшимися рядом с ними. Они вместе танцевали, немного ели и очень, очень много пили.

Таня смутно помнит, как вышли из ресторана, затем куда-то поехали, а потом, потом было такое, о чем лучше забыть. Она до сих пор не могла поверить, что все это происходило с ней. Даже сейчас, лежа в любимой ванне, она чувствовала омерзение от одного только воспоминания о проведенной ночи. Неужели это была она, никогда не позволявшая ничего подобного даже с законным мужем? Можно подумать, что в нее этой ночью вселился какой-то бес, который усиленно толкал ее на все эти бесстыдства. За те годы, что она делила постель с мужем, ничего даже отдаленно похожего с ней никогда не происходило. Скорее наоборот, когда она отказывала ему, он чаще всего уходил спать в другую комнату. Правда, иногда, примерно один раз в месяц, он не выдерживал и начинал с ней разговоры, которые порою затягивались до утра. Но это вполне можно было пережить. Мама ведь неспроста ей говорила, что мужа нужно удерживать на дистанции, чтобы он постоянно желал получить жену как величайшую драгоценность. Впрочем, так оно и было: если муж получал доступ к телу, он весь следующий день не отходил от Татьяны ни на шаг и готов был носить ее на руках. Что греха таить, ей очень нравилось упиваться собственной недостижимостью и безграничной властью над ним. Только, к сожалению, он выдержал такой жизни всего-то лет десять, а потом принялся закручивать романы. Таня была весьма хорошо информирована о его похождениях. И вот наконец она не выдержала и подала на развод. Удивило ее только одно обстоятельство: он не стал спорить, просто собрал вещи и ушел. Вчера в суде Таня, честно говоря, все еще надеялась, что он попросит прощения. Но он молчал и строил глазки судье. Или это Тане показалось? Все-таки он подонек, и нечего о нем вспоминать. Да, в доме стало как-то пусто с его уходом, но зато она совершенно свободна, и это она доказала, пусть даже самой себе.

Волошин уже решил вернуться домой – поздно, холодно, людей загнал по домам пронизывающий, дикий ветер, – но нерешительно поднятая рука заставила его остановиться. В первый момент он даже не посмотрел на нее, ну, очередная пассажирка, что тут особенного. Приняв из замерзших рук деньги за проезд, он выехал на пустынную улицу и повел свою маршрутку дальше. Через несколько минут она спросила, не знает ли он, где можно снять квартиру на время.

– Надолго или на пару дней? – уточнил Волошин.

– Не знаю. Видно будет, – чуть хриплым, словно простуженным голосом ответила она.

Волошин взял с панели трубку и позвонил Милочке.

– Есть квартира, на сутки. Двадцать долларов. Устраивает? – обратился он к пассажирке и посмотрел на нее в зеркало. В тусклом свете нельзя было даже разобрать возраст, довольно молодая, но какая-то подавленная.

– Да, вполне. Вы можете меня туда отвезти? Я заплачу!

– Мне по пути, – ответил Волошин. – Только мне еще в магазин нужно заехать. Вы меня подождете?

– Я с вами. Если можно. Мне тоже нужно за покупками, – неуверенно сказала она и замолчала.

Волошин пожал плечами и, свернув с маршрута, направился в сторону Серебрянки. У супермаркета машин на стоянке почти не было. Подъехав поближе к входу, Волошин остановил свой «мерседес» и, дождавшись, когда пассажирка выйдет, запер микрик.

– Я быстро, туда и обратно. Мне только зубную пасту купить, ну и щетку, – непонятно зачем сообщила она Волошину.

Он кивнул и отправился за продуктами. То, что в холодильнике пусто, он помнил с самого утра.

Когда минут через двадцать он вернулся, женщина уже, похоже, ничего не соображала от холода. Конечно, подождать внутри у нее не хватило сообразительности, – уныло подумал Волошин и, достав из кармана брелок, открыл машину.

– Садитесь, поедem, здесь недалеко, – бросил он и запустил мотор.

Действительно, не проехав и пяти сот метров, Волошин остановил машину у неприметной девятиэтажки.

– Пошли, нас уже ждут! – сказал он, запирая «мерседес».

Женщина неотступно следовала за ним, ничего не спрашивая, внимательно глядя себе под ноги, словно искала что-то.

Домофон весело сообщил, что дверь открыта, и пустил их в подъезд. Лифт, как всегда, болтался где-то в районе восьмого этажа, и Волошин привычно направился к лестнице. На площадке третьего этажа он достал из кармана ключи и, обернувшись, сказал своей спутнице:

– Нам сюда.

Та только кивнула. Пропустив ее в тесный тамбур, Волошин распахнул дверь и громко крикнул:

– Милочка! Мы пришли.

Из комнаты в прихожую вышла молодая девушка в уютном свитере грубой вязки и голубых джинсах.

– Добрый вечер, проходите, я вам сейчас все покажу, – сказала она женщине и, посмотрев на Волошина, добавила: – Я к вам зайду потом?

– Да, конечно! – ответил тот, уже входя в свою квартиру.

Эту квартиру он купил после увольнения из армии – маленькая, однокомнатная, но ему одному вполне хватало. Что еще нужно закоренелому холостяку? Не раздеваясь, Волошин прошел на кухню, разгрузил пакеты, поставил на плиту воду дляпельменей и только после этого вернулся в прихожую, чтобы снять куртку. Пока закипала вода, он тщательно вымыл руки и открыл вынутую из холодильника бутылку пива. Не успел он наполнить стакан, как вошла Милочка.

– Ну, привет еще раз, – сказала она и, увидев наполненный стакан, потянулась к нему: – Можно? – и, не дожидаясь ответа, пригубила.

Уж кому-кому, но ей Волошин ни за что не посмел бы отказать. Он тихо любил эту очаровательную девушку беззаветной отеческой любовью. Не только потому, что она годилась ему в дочери, но еще, наверное, и потому, что именно о такой дочери Волошин мечтал всю жизнь.

– Как живете, Саша? – поинтересовалась Милочка, усаиваясь на диване.

– Неплохо, спасибо. Ты вот не часто заходишь, а так все в полном порядке.

– Простите, дел очень много. Но когда есть время, я всегда рада вас видеть. Взяли бы, осмелились да и забрели бы ко мне, или лень подняться лишних пару этажей?

– Нет, просто неудобно. Может, у тебя друг твой или мало ли что.

– Друга больше нет, отправила в отставку. Так что в любое время жду.

– Спасибо тебе на добром слове.

– А откуда вы эту дамочку взяли, Саша?

– Просто пассажирка, а что?

– Да так, ничего, просто странная какая-то. Вроде и при деньгах, одета прилично, но что-то в ней не то. Я с ней разговариваю, а она вроде не слышит. Сдачу с сотни даю, не реагирует. И вещей у нее нет, даже крошечной сумочки. В ванной, когда я ей показывала, достала из кармана зубную пасту и щетку, положила на полочку и ушла, словно меня там нет. Вы бы приглядели за ней, а то мало ли что.

– Хорошо, я пригляжу, только вот как? Не вламываться же к ней среди ночи.

– Не знаю, ну, пофлиртывали бы или как.

– Дорогая, я уже стар для флирта!

– Ой, не скажите, если бы мы не были столько знакомы, я бы в вас непременно влюбилась или хотя бы сделала вас своим постоянным любовником.

– Не шути с огнем, Милочка. Кто знает, как все может обернуться. А за соседкой я приглажу, не волнуйся.

– Тогда я пойду, завтра мне с самого утра на работу. Спасибо за пиво! – Милочка поднялась и, поцеловав Волошина в щеку, убежала.

Оставшись в одиночестве, Волошин выложил на тарелку пельмени, налил пиво и принялся за немудреный ужин.

Чтобы занять себя, Таня решила переложить вещи. Странно, она всегда считала, что Андрей занимает слишком много жизненного пространства. Но когда он уходил – все его вещи оказались в двух небольших сумках. Да еще Дашка на поводке. Интересно, где он сейчас? Живет у очередной подружки? Или снял себе квартиру? Впрочем, какая разница, теперь ее это совершенно не должно волновать! Он, как выяснилось, давно совершенно чужой для нее человек. И Лорик, и мама в один голос твердили ей, чтобы она разводилась. И вот теперь все позади.

Таня прошлась по комнатам, присела в его любимое кресло, включила компьютер. Именно здесь он последние годы проводил почти все свое время. Что-то писал, просто сидел, думал о чем-то. Эта комната была его суверенной территорией, только больше он в нее не войдет. С того дня, как Андрей ушел, Таня здесь почти не бывала, только сегодня, когда развод был уже позади, она решила освоить это новое для себя жизненное пространство. Муж переселился сюда сразу же, как сын переехал в свою квартиру. Переселился и как бы отрезал окончательно тонкой дверью свою личную жизнь от жизни Татьяны. Шли годы, внешне все продолжалось по-прежнему, тот же кофе в постель по утрам, то же внимание, только он совершенно перестал с ней общаться, даже заговаривать о постели. Таня, когда уже окончательно потеряла надежду на возрождение каких-либо отношений с мужем, решила поговорить с мамой. Сообщив мужу, что на завтра ей нужны билеты, спокойно начала собираться. На следующий день рано утром Андрей отвез Таню на вокзал. Всего пять часов – и мама уже обнимала любимую дочь у себя дома.

– Ну, как у тебя дела? Рассказывай! А то последнее время только по телефону и общаемся. Как у тебя с твоим тираном? Все еще ноет или приутих наконец?

– Знаешь, мама, приутих, и причем основательно. С тех пор как сын отселился, он ко мне в спальню и не заглядывает практически. Даже приставать перестал.

– Ну, детка, ты не забывай, что ему уже не двадцать и даже не тридцать лет. Может быть, ему это уже и не очень нужно. Или ты страдаешь по этому поводу? Зря, если тебе будет нужен мужчина для постели, всегда можно завести себе молодого любовника. Ты у меня красавица, так что грустить, пожалуй, не стоит. Не забывай, кто ты, а кто он. Он как не стоил твоего мизинца, так и не стоит до сих пор.

– Я понимаю мама, но меня это начинает немного беспокоить. Понимаешь, раньше он проявлял ко мне интерес, а теперь словно меня и не существует.

– Значит, он уже состарился. Не переживай, мы с тобой вели правильную политику. Не такой уж он и супермужик, мне твой муженек никогда не нравился. Невзрачный, упрямый – что ты в нем нашла, я не понимаю.

– Но все-таки, может быть, с ним нужно было вести себя как-то иначе?

– Вот еще! Зачем? Он у тебя на поводке, ты можешь приказывать ему все, что угодно. А он выполнит, потому что твое право – подпустить его к себе или оттолкнуть. Все ведь в твоих руках, доченька. Да и заменить его ничего не стоит; если что, разведешься – и найдем мы тебе наконец достойную партию. Вспомни, я замуж за Михаила Андреевича вышла, когда мне было уже за пятьдесят, и ничего, живем себе. Так что тебе беспокоиться совершенно не о чем.

Когда через две недели Таня вернулась, муж, как обычно, встретил ее на вокзале. Задав привычные, дежурные вопросы, привез домой, накрыл на стол, накормил, напоил чаем и... ушел в свою комнату. Вроде бы все было как обычно, с той лишь разницей, что он даже не поцеловал ее. Впрочем, Таня не слишком огорчилась. Подумаешь, не такое большое счастье целоваться. Буквально на следующий день к ней забежала Лорик.

– Ты знаешь, похоже, у твоего козла появилась очередная пассия. Его видели, когда он рассекал по городу с женщиной.

– Да ну, он уже давно ни на что не годен! Зачем ему женщина? Он может уже только смотреть.

– Откуда такая уверенность? – лукаво сощурила глаза Лорик.

– Подруга, кому, как не мне знать? Он уже несколько лет как ко мне даже не прикасается.

– Да ты что? А как же ты выдерживаешь? Как ни крути, но мужик-то нужен.

– Но я же пока обхожусь!

– Вижу, как обходишься: глаза тусклые, настроение никакое. А ты уверена, что он уже не может?

– Не знаю. Раньше он постоянно меня домогался, а потом все реже и реже.

– А сама?

– Что – сама? Мне что, самой его раздражить? Ну, ты скажешь! Мама всегда мне говорила, чтобы не очень-то шла на уступки. Разок-другой в месяц подпущу, бывало, и хватит. Впрочем, когда это было!

– А он что? Терпел? Никогда не поверю!

– Скажи, а что ему оставалось делать? В конце концов я ведь решаю, когда и как.

– Ты что, серьезно? Может, он того, импотент?

– Нет, не похоже, я видела совершенно иную реакцию. Просто мама всегда говорила, чтобы я не слишком баловала его сладким. Вот и держала все время на голодном пайке, чтобы не мнил ничего о себе.

– Тань, но мужик ведь не может без этого! Они же с ума сходят, если им периодически не давать!

– Мой же не сошел! Живем.

– А сама как, неужели не хочешь?

– Как тебе сказать, сначала, конечно, трудно было, а потом привыкла.

– А ты не допускаешь, что он все время по бабам бегал? Пока ты из себя недотрогу строила?

– Слушай, Лорик, а не все ли равно? Живет-то он со мной.

– Ну, как знаешь. Я бы его на твоём месте все же попробовала совратить. Интересно же. Может, он еще в постели чего-то стоит.

В тот же вечер Таня разыскала свое любимое белье. Выйдя из ванной, накинула на плечи роскошный пеньюар и вошла в комнату мужа. Тот, по обыкновению, что-то писал. Услышав шаги за спиной, тут же закрыл страницу, и на мониторе, словно по мановению волшебной палочки, возник весенний лес.

– Ты хочешь чаю или кофе? – обернулся он.

В стеклах очков отразилась люстра. Из-за этих проклятых стекол никогда невозможно было рассмотреть выражение его глаз.

– Как я выгляжу? – кокетливо спросила Татьяна, томно потягиваясь.

– Ты выглядишь, как всегда, великолепно. Но я не понял, что тебе сделать? Чай? Кофе?

– А что, если нам сегодня немного расслабиться? Может, устроим романтический ужин?

– Хорошо, подожди немного, я закончу через несколько минут.

– Ничего, если я посижу здесь?

Андрей, вместо ответа, сохранил информацию и, выключив компьютер, вышел из комнаты. Вскоре с кухни потянулись весьма аппетитные запахи.

– Стол накрыть в твоей спальне? Или в гостиной? – спросил он, появившись бесшумно в дверном проеме.

– Что? – переспросила Татьяна, поворачиваясь так, чтобы пеньюар распахнулся и продемонстрировал ее холеное тело. – Лучше, пожалуй, у меня.

– Хорошо, через минуту все будет готово, – невозмутимо ответил муж, словно бы не заметив ничего особенного.

Когда Татьяна вошла к себе, на столе уже горели свечи, стояла ваза с фруктами, на тарелках исходило ароматным паром жареное мясо с овощами, открытая бутылка красного вина завершала композицию. Огоньки свечей романтично играли на хрустале бокалов. Телевизор был переключен на музыкальный канал, но звук продуманно приглушен. Да, что и говорить, умел он создать романтическую атмосферу.

– Я поставил пиццу, если ты захочешь, она скоро будет готова, – сказал Андрей, наливая в бокалы вино.

Таня посмотрела на огонек свечи сквозь темное вино и изящно коснулась губами края бокала.

– За что мы будем пить? – понизив голос, спросила она.

– Разве обязательно пить за что-то? – спросил Андрей.

Он сел напротив нее, и Таня решила пустить в ход свое главное оружие. Она забралась с ногами на диван и теперь свернулась, словно кошка, демонстрируя пластику и гибкость своей точеной фигурки.

Андрей тем не менее спокойно ел, запивая мясо терпким вином, и, казалось, совершенно не обращал на жену ни малейшего внимания. Когда мелодично звякнул таймер плиты, он встал и через минуту принес великолепную пиццу, которую редко найдешь даже в итальянской пиццерии. Слов нет, готовить он был большой мастер. Вот только жену он по-прежнему упорно не замечал. Когда же Таня, слегка возбужденная вином и едой, начала бросать на него совсем уж откровенные взгляды, Андрей напрямую спросил:

– Ты хочешь еще что-нибудь?

– А если я скажу, что хочу тебя? – промурлыкала Татьяна.

– Могу я поинтересоваться – зачем?

– Как это? Мы не были близки достаточно давно и... – несколько опешила Татьяна.

– И что из этого следует? – поднял бровь Андрей.

– Мы могли бы, так сказать... Я имею в виду, что ты мой муж, и я имею право на то, чтобы мы... Ну, словом, ты уже давно не трогал меня. Ты что, не допускаешь, что я могу тебя захотеть?

– Почему не допускаю? Ты живой человек, у тебя вполне могут возникать определенные желания. Это естественно. Только я не совсем понимаю, при чем здесь я? – негромко, но твердо сказал Андрей.

– Но ты мой муж, и, наверное, уже пора!

– Прости, но, насколько я помню, уже несколько лет такой вопрос у тебя не вставал. Что случилось? Ты рассталась с любовником? Или он тебя уже не удовлетворяет?

– Андрей! Как ты можешь такое говорить! У меня никогда не было любовника! Ты единственный мужчина, с которым я ложилась в постель!

– Положим, не слишком часто.

– Это не имеет значения! Сейчас я хочу! – возмущенно, уже едва не крича, бросила в ответ Таня.

– Прости, но это невозможно, – спокойно, даже несколько равнодушно ответил Андрей.

– Но почему?! Мне кажется, что теперь, когда мы остались одни, ничто не должно сдерживать наших чувств, и мы вполне можем начать жить для себя!

– У нас что, не было времени, которое мы могли бы посвятить друг другу? Мне почему-то кажется, что, прожив без малого двадцать пять лет вместе, мы вполне могли бы найти и время, и возможности для близости.

– Но разве не ты настаивал все время на этом? – Голос Татьяны уже звенел, как струна.

– Да! Я не только настаивал, но и умолял, едва ли не ползал перед тобой на коленях.

– Так в чем же теперь дело?

– В том, что я больше не хочу, – глядя в глаза жене, спокойно ответил Андрей.

– Этого не может быть! Но почему?!

– Наверное, перегорел. У меня уже не осталось никакого желания.

– Но других-то ты трахаешь! Мне многое о тебе рассказали!

– Прости, но тебя это совершенно не касается. У тебя было достаточно времени, чтобы все осознать и начать жить так, как живут нормальные люди.

– Как? Какие нормальные люди? У тебя всю жизнь на уме был только секс! Ты готов был вылезти из кожи, только бы разложить меня на постели! В семье это не главное! Ты как был грубым, неотесанным солдафоном, так им и остался! У тебя нежность проявлялась только в постели! Ты просто хам!

– Таня, ты все сказала?

– Да! Ложись, я хочу, чтобы эту ночь ты посвятил мне!

– Я уже сказал тебе, что не хочу. И не могу. У тебя, повторюсь, было достаточно времени, чтобы понять меня и мои желания, но ты не удосужилась снизить. Так что давай без обид. – Андрей встал и, не говоря больше ни слова, ушел к себе.

Стук в дверь, робкий, несмелый, вызвал у Волошина искреннее удивление. А когда на пороге он увидел свою пассажирку, то удивился еще больше.

– Что-то случилось?

– Нет, извините, просто мне показалось, что вы еще не спите, и я... Ну, в общем, как это сказать... Можно я побуду немного с вами? Я очень боюсь, что наделаю глупостей, а не хотелось бы.

– Вы ужинать со мной будете? Я сварил пельмени, правда, кажется, немного переварил, но так уж получилось.

– Нет, спасибо, я ничего не хочу, мне бы только не оставаться одной.

– Да что вы стоите, проходите сюда, на кухню. Садитесь.

– Спасибо, вы очень добры.

– Ну, что вы заладили – спасибо да спасибо. Вы сегодня ужинали? Вижу, что нет. – Волошин поставил перед гостьей тарелку и положил пельмени. – У меня, к сожалению, нет разносолов, я не особенно люблю готовить. Разве что когда гости приходят.

– А вы что, один живете?

– Вас это удивляет? Да, я живу один. Но как-то не чувствую себя одиноким.

– Вы развелись, ушли от жены или она вас бросила?

– Милая девушка, это произошло так давно, что я уже не помню подробностей. Больше двадцати лет я один и ничуть об этом не жалею.

– Простите меня. Я совсем не хотела вас задеть.

– Вы меня и не задели. Я же говорю, что все это было очень давно. А как так получилось, что вам негде жить? Вы ведь не приезжая?

– Нет, не приезжая, но я не хочу об этом говорить.

– Ясно, да вы ешьте, что вы смотрите на них, ручаюсь, пельмени не отравлены. Я, правда, не хочу знать, из чего и как их делают, но в том, что они съедобны, уверен. Может, вы выпить хотите? У меня, правда, нет вина, но зато есть хороший коньяк.

– Спасибо.

– Милая девушка, если вы не прекратите на каждое мое слово говорить спасибо, я, честное слово, вас выставлю.

– Нет! Прошу вас, не прогоняйте меня!

– Уговорили, не буду.

Волошин встал из-за стола, ополоснул тарелку, достал бокалы и пузатую бутылку темного стекла. Плеснув по глотку коньяка, он протянул бокал девушке.

– Так, что же у вас случилось? Вам, как я понимаю, пришлось сбежать из дома? С мужем вдрызг разругались?

– Я не готова говорить на эту тему. Простите. – Незнакомка двумя руками взяла широкобедный бокал, поднесла к лицу, но, так и не пригубив, поставила на стол.

– Хорошо! Так о чем же мы будем говорить?

– Я... я не знаю...

И тут она заплакала, сначала тихо, а затем навзрыд. Волошин попытался поднести ей стакан с водой, но незнакомка оттолкнула его руку. Ничего другого не оставалось, как просто сесть с нею рядом и попробовать утешить иначе. Это действительно помогло. Вскоре она только изредка всхлипывала, уткнувшись носом в его плечо, а Волошин продолжал гладить ее стильно стриженные волосы да шептать какие-то слова утешения.

Он просидел с ней долго, пока она окончательно не успокоилась. Ему никогда не приходилось утешать плачущих женщин, он просто не умел этого делать. Теперь пришлось в срочном порядке овладевать этой сложной наукой.

– Как вас зовут? – наконец сообразил поинтересоваться Волошин.

– Галя, – уже без слез в голосе ответила она. – А вас?

– Волошин Александр. Так я могу вам чем-нибудь помочь?

– Нет, спасибо, вы и так мне уже помогли, только не могли бы вы проводить меня туда, где я сегодня буду ночевать? Мне боязно заходить туда одной.

– Хорошо, только для начала я дам вам валерьянки, что ли. Вам просто необходимо успокоиться.

– Спасибо, не стоит. Со мной все в порядке. Не волнуйтесь за меня.

– Из спасибо шубы не сошьешь, – буркнул Волошин, роясь в аптечке. – Вот, нашел, только сколько капать, я не знаю. Держите.

Он протянул ей пузырек и, подождав пока она встанет, бережно поддерживая под локоток, проводил в съемную квартиру. Здесь он бывал не раз, все было хорошо знакомо. Помогая Милочке, он тут много чего развешивал, прибывал, приколачивал и теперь, приведя Галю, окинул квартирку привычным хозяйским взглядом. Ее вещей не было, только легкая шубка в прихожей на вешалке. Почему-то она показалась ему такой трогательной, что вызвала невольную улыбку. Да и сама Галя была до невозможности милой, даже сейчас, несмотря на распухшие от слез глаза и покрасневшийся нос. Среднего роста, с огромными выразительными серыми глазами, хорошо сложенная, она выглядела обворожительно. Не девушка, а мечта любого мужчины.

Галя остановилась посреди комнаты и, оглядевшись по сторонам, подняла глаза на Волошина.

– Простите, что я причинила вам столько неудобств. Мне очень неловко.

– Ничего страшного, примите капли и ложитесь. Утро вечера, говорят, мудренее. Я пойду, пожалуй.

– Да, не смею вас задерживать. Еще раз большое спасибо.

Волошин вернулся к себе, плеснул в бокал еще коньяка и залпом выпил. День выдался достаточно трудный, хотя легких дней в последнее время он, пожалуй, и не мог вспомнить.

2 Н. Берзина «Я не умею прощать!»

* * *

Скоро уже начнется горячая пора. Ирина² сидела за компьютером и просматривала почту. Судя по всему, в этом году удастся наконец заработать вполне приличные деньги. Уже сейчас заявок на отдых в их пансионате было более чем достаточно. Конечно, оставались какие-то окна, но в целом на весь сезон места уже были расписаны. Во дворе визжала бензопила: Петр снова что-то улучшал и перестраивал. В этом году исполнится три года, как они вместе. Целых три года счастья! Ирина порой даже не могла поверить в то, что у нее в жизни будет что-то подобное. Тем не менее это случилось, и не с кем-нибудь, а именно с ней. Всего три года назад она и подумать не могла, что, отправляясь навестить брата, лежащего в госпитале после очередного ранения, она повстречает свою судьбу.

Всю жизнь ей не слишком везло с мужчинами. Те, что попадались, не шли ни в какое сравнение с братом. А именно он, да еще, пожалуй, отец, для Ирины были образцом мужчины. Оба были настоящими офицерами, с той самой, передающейся из поколения в поколение, армейской закалкой. В их роду почти все мужчины служили еще при царе-батюшке. Так что было с кем сравнить. Но так сложилось, что с ней знакомились исключительно какие-то маменькины сынки. Только однажды она повстречала мужчину, с которым чувствовала себя комфортно, даже вышла за него замуж, да вот незадача, он хотел иметь детей, а Ирина оказалась бесплодной. Давно, еще в студенческие годы, она занималась водным туризмом. Спорт, скажем прямо, не совсем женский. Однажды на сплаве, на Вишере, их плот разбило на пороге. Повезло. Спаслись все, но Ирина тогда сильно застудилась. Не придав особого значения, упустила время, лечиться не стала, и как результат – полное бесплодие. Как ни горько было, но с мужем пришлось расстаться. Вот потом и потянулась череда никчемных мужичков, которым не было никакого дела до ее души, а лишь бы до тела добраться. Ирина уже считала, что выгорела вся изнутри, ничего не осталось в сердце, кроме пепла. Но в тот момент, когда вместе с женой Кирилла³ она вошла в палату, ей в глаза бросилось лицо мужчины, о котором она мечтала всю жизнь.

Петр служил вместе с Кириллом, они даже ранены были в одном бою. О том бое она так ничего и не узнала, ни от брата, ни от Петра. Они в равной степени не любили рассказывать о войне. Но когда Лиза, жена Кирилла, вернулась в Москву, Ирина решила остаться. Денег не было, пришлось устраиваться на работу. Место продавца на местном рынке она нашла достаточно быстро. Платили конечно же очень мало, едва хватало на то, чтобы рассчитаться за жилье да на скромные передачи для брата и Петра. Но как бы то ни было, Ирина не унывала. Главное, что она здесь, рядом с мужчиной, которого полюбила. Проводя все свободное время у постели Петра, она ясно видела, что он просто уже не может обходиться без нее. Именно она помогала ему делать первые шаги – перебитое пулей бедро срасталось плохо, но все же через месяц Петр достаточно уверенно начал ходить, сначала на костылях, а затем и с палочкой. В тот день, когда Кирилл выписался из госпиталя, Ирина, не в силах больше сдерживаться, осталась с Петром наедине в госпитальной палате. Эта ночь, полная безумной страсти и жарких признаний, стала первой, когда Ира по-настоящему поверила в то, что она любима. Так сложилось, что у них оказалось все наоборот: не он, а она ухаживала за ним, приносила цветы и конфеты, да и пер-

---

² См.: Берзина Н. По ком звонят колокольчики.

³ См.: Берзина Н. Там же.

вый шаг к сближению Ирина сделала сама. И вовсе не потому, что Петр был для нее ведомым, просто так сложились обстоятельства.

Комиссия признала капитана Петра Леонидовича Мазурского негодным к строевой службе. Это известие сильно расстроило его, но зато вызвало бурю восторга у Ирины. Через месяц они поженились. С тем диагнозом, что оказался у Петра при выписке из госпиталя, нужно было серьезно думать, где жить. Климат его родины не подходил абсолютно. Необходимо было искать новый дом значительно южнее. Поначалу хотели осесть в Крыму, но цены откровенно пугали. Так они попали сюда, в этот маленький курортный городок.

На первое время они сняли крошечный домик за такую смешную цену, что даже не сразу поверили в то, что это реальность. Лишь немного погодя им попался этот коттедж. Донельзя запущенный, унылый. Но Петр оказался мастером на все руки. Уже в августе они смогли принять первых постояльцев. Появились хоть и небольшие, но свои деньги. В начале зимы к ним приехал Кирилл. Погостив всего лишь пару дней, он вернулся к своей работе, но оставил на развитие пансионата довольно приличную по здешним меркам сумму. Уволившись из армии, Кирилл занялся бизнесом и теперь понемногу становился на ноги.

Петр всю зиму вкалывал как одержимый, и к весне дом начал понемногу обретать вполне приличный вид. Чтобы работать серьезно, Ирина заказала на фирме собственную страничку в Интернете. Весной стали поступать первые заявки, пусть не слишком много, но, как говорится, лиха беда начало. Тем временем Петр начал полностью переоборудовать комнаты для постояльцев. Вместе с Ириной они тщательно продумали все нюансы, и к сезону их пансионат уже вполне мог конкурировать с давно известными и успешными.

Неприятности начались, когда прибыли новые посетители. Петр, как обычно, возился во дворе, когда в ворота вошел неприметный паренек и стал о чем-то с ним разговаривать. Ирина видела, что беседуют они вполне мирно, и не вмешивалась, только после его ухода Петр поднялся на террасу чернее тучи.

– Что произошло, Петя? – испуганно спросила Ирина – и осеклась, поймав взгляд мужа.

– На нас наезжают, и вполне серьезно. По-взрослому.

– Рэкет?

– Да, будь он проклят. Требуют пятьсот долларов в месяц, в противном случае грозятся принять меры.

– Но у нас просто нет таких денег!

– А вот это объяснить им не удастся. Мальчик заявил, такова такса.

– Он что, тебе угрожал?

– Ира, я думаю, тебе лучше на время уехать к брату. Я постараюсь разрулить ситуацию, но у меня должны быть развязаны руки. Я боюсь, что, если все пойдет не так, как я планирую, ты можешь оказаться под ударом.

– Петя, не говори ерунды, я в состоянии за себя постоять! Тем более место жены рядом с мужем, а не где-то далеко.

– Иринка, пойми, нам объявили войну. Это вполне серьезно, я не вправе тобой рисковать.

– Я останусь с тобой. Если все так, как ты говоришь, то я не хочу остаться одна. Ты просто не имеешь права оставить меня им. Мы будем бороться до конца.

В эту ночь, последнюю мирную ночь, они любили друг друга как в последний раз, словно прощаясь навсегда.

В тот вечер Волошин вернулся домой позже обычного. Когда он подъезжал к дому, ему показалось, что у подъезда в свете фар мелькнула знакомая фигурка. Посетовав на усталость, Волошин запер машину и направился к подъезду. Как ни странно, но ему не померещилось, у двери и в самом деле стояла Галя.

– Добрый вечер. Давно здесь стоите? – поздоровался Волошин.

– В общем, нет, то есть да. Вот только замерзла совсем.

– А почему здесь? Что, Милочка ключи не дала?

– Да нет, я же на одну ночь останавливалась. Утром отдала ключи и теперь не знаю, что делать.

– Ну проходите, подумаем, как нам быть. – Волошин отпер дверь и впустил Галю в подъезд. – А вы что, даже телефон у нее не взяли?

– Нет, я, честно говоря, рассчитывала вернуться домой, но... не смогла.

– Проходите пока ко мне, я сейчас свяжусь с Милой. Может, пока то да се, чай? Раздевайтесь, вы ведь продрогли совсем.

Галя послушно сбросила шубку и, повесив ее рядом с курткой Волошина, прошла на кухню.

Волошин первым делом водрузил на плиту чайник и лишь затем позвонил. Милочки дома не оказалось.

– Вам не повезло! Куда вас теперь девать, ума не приложу. Милы нет, когда появится, неизвестно.

– А можно я у вас, ну хотя бы на кухне переночую?

– Да неудобно вроде. Вы знаете что? Нырять в ванну, попробуйте для начала согреться, а я пока ужин приготовлю. – Волошин вышел и, вернувшись через минуту, протянул Гале свежее полотенце. – Вот, возьмите и грейтесь.

В доме Волошина женщины появлялись редко, а ночевать вообще оставались единицы, так что поводов для некоторой растерянности у него хватало. Волошин бросил на сковородку пару солидных кусков мяса, поставил воду, чтобы отварить овощи, подумав, достал вчерашнюю бутылку коньяка. Чайник пронзительно засвистел, сообщая, что уже пора выключать. Волошин заварил чай и, перевернув мясо, начал накрывать на стол. Он уже раскладывал еду по тарелкам, когда за спиной раздался восхищенный голос Гали:

– У-у-у, как тут вкусно пахнет! Обернувшись, он увидел ее, такую трогательную в огромном махровом полотенце.

– Я решил, что вас стоит покормить. Вы замерзли и наверняка проголодались. – И, подумав, добавил: – Я сейчас найду вам что-нибудь из одежды. По размеру, конечно, не подберу, но все же будет лучше, чем в этой тоге.

Он принес ей теплую фланелевую рубашку и шорты. Галя на минуту скрылась в ванной и уже предстала перед Волошиным совершенно в ином виде. Не ясно, что она сделала с шортами, но рубашка ей доставала практически до колен.

Разлив по бокалам коньяк, Волошин жестом пригласил Галю к столу. Спокойно, без малейшего жеманства Галя сделала добрый глоток благородного напитка и принялась за мясо, едва не урча. Долгое стояние на холоде разбудило в ней прямо-таки зверский аппетит.

Волошин вполглаза наблюдал за ней, и с каждой минутой она нравилась ему все больше. Ей не было и тридцати, очень хорошенькая, если не сказать красивая. Сегодня она совершенно не походила на вчерашнюю заплаканную, на грани истерики, женщину. Порозовевшая от горячей ванны, она оказалась чертовски привлекательной. После ужина Волошин для очистки совести еще раз позвонил Милочке, но разговаривать с автоответчиком не стал. По-хорошему пора было бы уже завалиться спать, но, немного стесненный неожиданной гостьей, Волошин включил телевизор и, плеснув еще немного коньяка в бокалы, предложил ей посмотреть какой-то фильм. Совсем по-семейному они устроились рядом на диване и наблюдали за развитием сюжета, пока Галя не начала откровенно зевать.

Выиграв недолгий спор, кому где спать, Волошин оставил Галю в комнате, а сам ушел на кухню. Он долго ворочался на узком диванчике, пока не нашел положение, которому не противилось его тело.

Волошин уже почти уснул, когда Галя, присев рядом, положила ему руку на плечо:

– Саша, не мучайтесь, идемте ко мне. Я очень прошу вас. Поверьте, мне совсем не просто просить вас об этом.

– Галя, мне трудно будет сдержаться в одной постели с вами.

– А я и не прошу вас сдерживаться. Совсем наоборот! – И она, потянув руку Волошина, положила ее себе на грудь.

– Тебя куда отвезти, ты где работаешь? – допивая кофе, спросил Волошин Галю утром, когда они впервые завтракали вдвоем.

– На «Академическую», если не трудно. Я уже опаздываю.

– Тогда пошевеливайся. Дверь захлопни, а я пока машину прогрею, – бросил Волошин, уже натягивая куртку.

Остановившись, он спросил Галю:

– Ничего, если я тебя вечером подхвачу?

– Мне будет приятно! В шесть, самое позднее в шесть пятнадцать. Тебя устроит?

– Вполне, значит, здесь на этом месте.

– Да, до вечера.

Выскочив из машины, Галя подхватила поудобнее сумочку и слилась с толпой спешащих на работу людей.

Передав машину водителю, наконец оправившемуся от болезни, Волошин вернулся домой и тщательно навел порядок – все же принимать Галю стоило в хорошенько убранной квартире. То, что произошло сегодня ночью, взволновало его. Мало того, что у него давно не было женщины, просто та естественность, с которой у них все получилось, давала надежду на то, что Галя задержится в его жизни надолго. Сегодня вечером он привезет ее к себе и постарается сделать все возможное, чтобы она не думала ни о чем. Безумно хотелось сделать ее счастливой.

План был прост, как все гениальное, оставалось лишь претворить его в жизнь. Петр быстро нашел с кем переговорить и теперь, сидя в маленьком кафе, ожидал нужного человека. Кофе давно остыл, а клиент явно опаздывал, ну что ж, теперь это не имело большого значения. А вот и он, ну конечно же во всем белом.

– Ты принес? – не здороваясь, по-хозяйски усаживаясь, бросил молодой человек.

– Что ты будешь? Кофе, сок или коньяк? – смиренно спросил Петр.

– Ты мне не тычь, уважение проявляй! – вскинулся человек в белом костюме.

– Да ладно тебе, ты мне в сыновья годишься.

– Если бы у меня был такой слюнвявый папаша, я бы его еще пацаном замочил, ясно тебе?

– Куда же яснее. Ну, не хочешь – твое дело. Пошли, у меня все в машине.

– Во, блин, а говорил, бабок нет, на что тогда тачку купил? – ухмыльнулся молодой человек, но тем не менее встал и последовал за Петром.

Они свернули в узкий переулок, в тупичке действительно стояла старенькая машина. Молодой человек едва успел посмотреть на нее, как локоть Петра, словно снаряд, врезался ему в живот. Последнее, что успел заметить парень в белом костюме, – это старый растрескавшийся асфальт, да еще услышать хруст ломающейся от удара собственной шеи.

Быстро оглядевшись, Петр открыл багажник и, забросив уже бездыханное тело, сел за руль. Проехав несколько кварталов, он тщательно вытер платком все, к чему прикасался, и, не запирая машину, удалился прочь: сегодня предстояли еще две встречи.

Домой Петр вернулся поздно ночью, не зажигая свет, прошел в крохотный закуток и, достав из тайника пистолет, неторопливо разобрал его и тщательно смазал. Ирина вошла, когда он как раз дослал патрон в ствол.

– Это что? – шепотом спросила она, увидев оружие в руках мужа.

– Это? Пистолет. «Гюрза». Хороша, доложу тебе, штука, жаль, что патронов к нему просто так не достать. Калибр очень редкий! – ничуть не смутившись, ответил Петр.

– Но зачем?! Ты что, собираешься с его помощью вести войну?

– Сейчас я не собираюсь ни с кем воевать, но, когда я уйду, ты запрешь за мной дверь и ляжешь спать.

– Ты что, собираешься меня оставить одну?

– Я вернусь самое позднее утром. Но если что-то пойдет не так и меня утром не будет, тогда бросай все и уезжай к брату.

– А ты? Что будет с тобой?

– Мне нужно встретиться с одним человеком. Я не знаю, сколько времени займет разговор и к чему он приведет, но лучше готовиться к самому худшему. Если я договорюсь, то вернусь часа через два, может, через три. Если не договорюсь, утром ты должна будешь уехать.

Он крепко поцеловал потерявшую дар речи жену и выскользнул из дому, бесшумно, словно призрак.

Крохотный ресторанчик был практически пуст. Петр подошел к стойке и едва слышно спросил бармена:

– Хозяин у себя?

Тот молча кивнул в сторону неприметной двери за спиной. Едва Петр вошел, как навстречу ему поднялся крепкий мужчина средних лет.

– Мне нужен хозяин, – заявил Петр.

– А ты ему? – вопросом на вопрос ответил крепыш.

– Ну, как знаешь, – как-то подавленно обронил Петр и, понутив голову начал поворачиваться к двери, но в следующий миг его нога уже впечаталась в грудь крепыша.

Тот, не успев даже охнуть, отлетел к противоположной стене и, ударившись о нее, сполз на пол бесформенной кучей. Петр рванул на себя неприметную, но тяжелую дубовую дверь и исчез за нею.

– За такое вино можно отдать полжизни, Василий! Прощайте! – уже выходя, сказал Петр и закрыл дверь.

Крепыш только начинал подавать признаки жизни.

– Сынок, ты бы в спортзал походил, что ли! А то такой большой, а падать грамотно так и не научился! – негромко сказал ему на прощание Петр.

Небо еще даже не начинало блекнуть перед рассветом, когда он вошел во двор пансионата. На террасе стояла, завернувшись в шаль, Ирина.

Татьяна тогда очень сильно обиделась, задета была ее гордость. Еще бы, как он посмел отказать ей! Но самым странным было другое: казалось, совсем еще недавно не кто иной, как Андрей на коленях умолял ее о близости, а она его отвергала, и вдруг ситуация в корне изменилась. Почему? У него есть другая женщина? Если так, то он ее попросту предал! Кто он вообще такой?! Что возомнил о себе?! Назвать его красивым совсем нельзя! Да, возможно, он обаятелен, но не более того, да и как любовник не так уж он, наверное, и хорош. По крайней мере, Таня хотела так думать. С ней он раньше пытался как-то экспериментировать, но она всегда запрещала ему выходить за установленные ею самой рамки. А если вдруг он и вправду что-то мог? Теперь, после его отказа, она уже не могла этого узнать. На следующий день, едва открыв глаза, она увидела на столике перед постелью привычный поднос с чашкой горячего кофе и тарелочки с бутербродами и салатом. Позавтракав, Таня позвонила подруге: необходимо было срочно обсудить произошедшее. Рассказав подробно о вчерашнем так и не состо-

явшемся романтическом ужине, Таня вместе с Лориком начала обдумывать план дальнейших действий.

– Слушай, Танюха, у тебя же есть деньги. Закажи его! – вдруг выдала Лорик.

– Знаешь, даже если он мне и изменяет, я думаю, это не повод для убийства, – с некоторым сомнением в голосе ответила Таня.

– Нет, я не в этом смысле! Проследить! Ну, с кем он там крутит, где и все такое.

– Я же не знаю никого, только у Глеба⁴сыскное бюро. А они, кажется, дружат.

– Тогда я не знаю! Разве что самим? Как ты думаешь?

– Может быть, и стоит попробовать, только как-то унижительно. Следить, высматривать!

Нет, наверное, не решусь! – нерешительно сказала Таня.

– Ну, как знаешь! Я бы за ним проследила с удовольствием! Да его за вчерашнее вообще стоит всего дерьмом измазать! А ты все еще с ним церемонишься! Подумай! Кстати, его вчера опять видели, но, кажется, с другой. Роскошная блондинка, на полголовы выше его. Вообще опора! Что она в нем нашла, как ты думаешь? – эмоционально спросила Лорик.

– У него дизайнер работает, Марина, тоже блондинка, и очень красивая, может, это она?

– А я почему знаю? Но видели твоего кобеля с блондинкой! Вот и все, что я знаю.

– Ну и черт с ним! Пусть делает что хочет, но к себе я его больше никогда не подпущу!

– Вот это правильно! Нечего! Не на ту напал! А то муж, муж, а он вон как выкобенивается.

– Как ты думаешь, а сын может знать о его выкрутасах? – до странности робко спросила Таня.

– Я же не имею представления, насколько они близки! Может, знает, а может, и нет. Спроси!

– Видишь ли, Лорик, я не понимаю, чего ему не хватало? Живем мы, кажется, не так уж и плохо. Вроде и деньги начали появляться! Я прекрасно знаю, что выгляжу очень неплохо, со мной не стыдно выйти, и тем не менее он постоянно чем-то недоволен.

– Кобель он у тебя! Как заметит кого на горизонте, сразу забывает, что у него жена есть. Может, тебе развестись? Скажи, зачем он тебе нужен? Вы с ним, как ты говоришь, давно не спите вместе. Только и заботы, что корми его да обстирывай.

– Да и этой заботы нет. Это он меня кормит и сам себя обстирывает уже лет десять. Мы как-то с ним поругались по поводу грязных носков, ну, он и начал все свое стирать. Я сначала обрадовалась, а теперь чувствую, что изменения начались уже тогда. Волю он почувствовал, что ли?

– Вообще-то твой хоть не пьет, я со своим развелась из-за пьянки. Уже двадцать лет скоро, и ничего, живу вполне нормально. Может, и тебе стоит, подумай, Танюша, – как-то замедленно сказала Лорик.

– Да мне и мама говорит то же самое.

– Таня, а у тебя у самой на примете кто-нибудь есть? – В глазах Лорика заплескали странные огоньки.

– В каком смысле?

– Ну, там, друг или любовник?

– Нет, ты что, я вообще не думала даже над этим.

– Слушай, ну, ты смешная, честное слово! Он с тобой не спит, а ты даже любовника не завела! Чего ты его бережешь? Да посылай куда подальше! Заведи себе хорошего мужика и делай с ним что вздумается!

В тот раз, проводив подругу, Таня впервые всерьез задумалась о разводе. В сущности, что она теряет? Мужа, который числится только номинально, и все? Так зачем он ей нужен?

---

⁴ См.: Берзина Н. По ком звонят колокольчики; Без права на защиту.

Приняв окончательное решение, она собралась духом и... позвонила маме. Та, выслушав дочь, тут же горячо поддержала...

* * *

И вот теперь все позади, она свободна, только почему-то радости особой Татьяна не почувствовала. За долгие годы совместной жизни она привыкла к тому, что Андрей постоянно где-то рядом. Пусть недовольный, пусть раздраженный, пусть усталый, но где-то здесь. Теперь его не стало. Он даже не звонил ей, словно вычеркнул из своей жизни и забыл о том, что она существует. Так было неправильно. Несколько раз Таня набирала его номер, но тут же бросала трубку, даже не дожидаясь соединения.

Втайне Татьяна надеялась, что он еще попросит у нее прощения и уговорит забрать заявление, как уже делал не раз.

Дело в том, что она уже дважды подавала заявление на развод, на то было достаточно, по ее мнению, причин, но довольно быстро поддавалась на уговоры Андрея и раз действительно забрала заявление, а однажды, когда окончательный разговор состоялся в ночь перед судом, просто не пошла на заседание. Но в тех случаях он ни разу не собирал вещи и не уходил. Теперь все сложилось иначе. Он не вернется!

Волошин остановился практически на том же месте, где утром высадил Галю. Часы показывали ровно шесть часов вечера. Он закурил и стал внимательно рассматривать спешащих домой людей. Пропустить Галю было никак нельзя, утром он забыл ей сказать, на чем он приедет, и теперь боялся, что, не заметив на стоянке белый микроавтобус, она просто не подойдет. Сигарета еще не догорела до конца, когда из подземного перехода вынырнула ее легкая фигурка. Волошин вышел из машины и двинулся ей навстречу.

– Галя! Я здесь! – окликнул он ее как раз в тот момент, когда она, остановившись, растерянно искала глазами белый «мерседес».

– Привет! А я уже подумала, что ты меня решил бросить! – воскликнула она, наконец заметив Волошина совсем рядом.

– На это можешь даже не надеяться. Ты не замерзла?

– Нет, я же здесь близко работаю. А ты где бус поставил? Я его не видела.

– Бус сейчас на маршруте. Работает. Я на другой машине приехал. Идем.

Волошин усадил Галю в не слишком новый «пассат» и, выруливая с тесного паркинга, спросил:

– Мы сейчас прямо домой или нужно куда-нибудь заехать?

– Не помешало бы заехать куда-нибудь в магазин, а то все мои вещи на мне. Завтра опять на работу, а у нас так не принято.

– Ясно, тогда говори, куда ехать.

Когда, нагруженные покупками, они подошли к кассе, Волошин не позволил Гале рассчитаться, а заплатил за все сам.

– Не ставь меня в неловкое положение, с тобой рядом мужчина, – шепнул он ей, когда Галя только полезла в сумочку за кошельком.

– Мне так неудобно, мы с тобой дома разберемся, – так же шепотом ответила она.

Дома Волошин принялся было готовить ужин, но Галя, заявив, что это совсем не мужское дело, просто выгнала его из кухни. Как-то так получилось, что она моментально освоилась на новой для нее территории, и с этого момента жизнь Волошина изменилась столь радикально, что очень скоро он уже не представлял, как можно жить одному.

Каждый вечер он забирал Галю с работы и вез домой. Не делая секрета из своего бизнеса, он ввел ее в курс дела, и вскоре она установила на его компьютер весьма удобную программу, позволяющую оптимизировать учет работы маршрутного такси.

Пусть их было пока не так много, всего лишь три, но считать все на бумажке отпала необходимость. За прошедшие после увольнения из армии три года Волошин достиг пусть не многого, но зато обеспечил себе достойную, на его взгляд, жизнь.

* * *

Ирина еще раз посмотрела счета и улыбнулась: все складывалось как нельзя лучше. Этой зимой она съездила к брату. Собиралась на месяц, но не выдержала и недели, не потому, что Кирилл ее плохо принял, нет. Слишком уж тянуло к мужу, она и не предполагала, что разлука всего на семь дней станет такой тягостной. Петр поручил ей вернуть долг Кириллу, но тот наотрез отказался взять деньги, мотивируя это тем, что сам уже вполне прилично зарабатывает, а им еще необходимо развиваться. Так получилось, что у них с Петром образовалась вполне круглая сумма свободных средств. То есть купленный по осени списанный катер удастся восстановить к этому, а не к следующему сезону. Да и появилась возможность переоборудовать несколько комнат в люкс. А это и дополнительные поступления, которые окупятся уже к осени.

Вчера по имейлу Ирина получила письмо от Кирилла, он благодарил сестру за знакомство с Эдиком. Они нашли-таки способ перерабатывать березовый деготь. Брат, теперь уже владелец нескольких лесопилок, всерьез занялся экспортными поставками. Но на выделенных делянках приходилось брать не только востребованные на Западе сосну и ель, но и неделовую березу. Затраты на ее заготовку не окупались по простой причине: годилась эта национальная гордость только на дрова. И тут Ирина познакомила его с бывшим однокашником, с которым когда-то училась вместе в химико-технологическом. Эдик еще в институте показал себя талантливым химиком, но найти приличную работу ему так и не удавалось, только и всего, что защитил диссертацию и прозябал в разваливающемся НИИ. Теперь Ирина чувствовала себя победительницей. Она помогла и брату, и давнему приятелю.

Услышав, как хлопнула дверь, она вышла навстречу. Петр в грязных по локоть руках нес какую-то железяку от катера.

– Фу, тяжеленная, собака! – выдохнул он, бросив ношу у крыльца. – Нужно будет заварить, и надеюсь, послезавтра попробуем пройтись по лиману.

– Ты что, уже заканчиваешь ремонт? – удивилась Ирина.

– Не то чтобы заканчиваю, работы там еще много, но нужно будет проверить на ходу.

– Ты у меня просто мастер золотые руки! Кстати, о руках, давай умывайся, я тебя кормить буду, время как раз обеденное.

– Ты права, Ириха, самое время, а то я что-то оголодал.

Накрывая на стол, Ирина даже не заметила, как Петр неслышно подошел. Почувствовав его горячие руки у себя на груди, она чуть слышно вздохнула, ощущая, как волна желания поднимается по ее телу.

– Ты же оголодал, за стол садись, – прерывающимся от волнения голосом прошептала она и, уже не в силах бороться с собой, резко обернувшись, впилась губами в его твердый рот.

Сил добраться до постели у них просто не было. Так любить, пылко, страстно, Ирина мечтала всю жизнь. И вот оно свершилось! Петр, ее любимый, единственный на свете мужчина, принадлежащий ей одной, нетерпеливо рыча, срывал с нее одежду, чтобы вкусить ее тело, насладиться им, подарить несказанное счастье ей, Ирине.

Когда, пошатываясь от внезапного головокружения, она села, прислонившись к нему, Петр нежно обнял ее за плечи и долго, невероятно вкусно поцеловал.

– Обед-то у нас уже наверняка остыл, – пробормотала заплетающимся языком Ирина.

– Ну и пусть, так съедем! – вторил ей Петр, так и не поднимаясь с пола.

Ирина никак не могла понять, как, каким образом Петр всегда угадывал ее желания. Вот и сейчас, когда она увидела его входящего во двор, с напряженными от тяжести бугристыми мышцами, влажного от пота, жажда любви охватила ее с такой неукротимой силой, что она едва справлялась с собой. И теперь, когда все так сильно и ярко закончилось, именно такого поцелуя она хотела. Петр, словно ему не более двадцати пяти, упруго вскочил на ноги и, протянув руку, помог подняться Ирине. По его самодовольной улыбке она поняла, что придется идти и надевать на себя что-то другое, от сарафана остались лишь воспоминания. «А вот и не пойду, пусть ему будет стыдно за собственную неаккуратность!» – подумала она и с вызовом посмотрела на улыбающуюся, дочерна загорелую физиономию мужа. Петр неожиданно рассмеялся и вдруг снова крепко обнял Ирину.

– Я тебя люблю! – медленно, подчеркивая каждое слово, сказал он ей прямо в ухо и осторожно поцеловал в мочку, так, что желание с новой силой захлестнуло ее.

Обед все же пришлось разогревать. Хотя теперь он походил больше на ранний ужин. Раньше Ирина даже не догадывалась, что встречаются мужчины с таким необузданным темпераментом, но, выйдя замуж за Петра, она поняла, что вся ее прошлая жизнь – ничто по сравнению с тем, что ей предстоит испытывать всякий раз во время близости с этим неукротимым и в то же время бесконечно нежным мужчиной, ее мужем.

На следующий день Петр действительно прокатил Ирину на катере. Там еще не было внутренней отделки, повсюду торчало какое-то железо, даже кресло у штурвала отсутствовало, но бывший патрульный пограничный катер бодро разрезал волну острым форштевнем и развивал просто немыслимую скорость. Промчавшись по лиману, Петр направил свой кораблик к косе. Подойдя почти вплотную к берегу, он заглушил мотор и, выскочив в прохладную, еще не успевшую согреться воду, на руках перенес Ирину на берег. На косу накатывались пенистые штормовые волны. Ветер завывал. Брызги стояли стеной. Петр прижал к себе Ирину, и они долго смотрели на бушующее море, на мечущихся над волнами чаек. Жизнь для них начиналась сначала, и так будет каждый день. Снова и снова они будут узнавать друг друга, всякий раз влюбляясь заново, и в этом бесконечном повторении сосредоточился весь смысл их существования.

Бронислав позвонил днем, когда Таня даже не ожидала его звонка. Заявил, что скоро приедет, потом так же неожиданно, не дожидаясь ответа, отключился. Действительно, не прошло и получаса, как во дворе остановилась машина. Татьяна, выглянув в окно, увидела его, выходящего из скромного «гольфа». Все же он был очень красив, ее сын. Высокий, подтянутый, он совершенно не был похож на своего отца, и это обстоятельство в очередной раз порадовало Таню.

Щелкнул, открываясь, замок, и сын вошел в квартиру, в которой вырос, провел почти всю жизнь.

– Привет, мать! Чай мне сделай, – прямо с порога заявил сын.

– Может, я приготовлю что-нибудь? – непривычно робко спросила Татьяна.

– Нет! Чай, бутерброды, если есть – сгущенка! – отрезал он.

– Хорошо, сейчас все будет готово! – Таня направилась на кухню, пока Бронислав раздевался в прихожей.

– Слушай, мать, думаю, тебе после этой свистопляски с разводом необходимо поехать отдохнуть, развеяться! – сказал сын, устраиваясь за столом. – Словом, у меня такое предложение: я метнусь по фирмам, посмотрю, что у них есть на ближайшее время, и отправлю тебя куда-нибудь к морю! Как ты на это смотришь?

– Да не хочу я! Зачем это нужно? – возразила Татьяна.

– Ты не спеши, подумай! Здесь тебя ничто не держит. Стресс ты получила серьезный, самое время поправить здоровье и отдохнуть. Ты когда последний раз в море купалась? Забыла? Вот и я тоже забыл.

– Но я не готова, у меня даже ехать не в чем.

– А ты и не завтра уезжаешь. Я сказал – на ближайшее время, но это не значит, что сегодня.

– Все равно я не готова.

– Успеешь подготовиться, если что, я помогу.

– А как ты отнесся к тому, что отец ушел?

– Тебе правду или так, чтобы не обидеть?

– Естественно, правду.

– Знаешь, мать, я знал, что это рано или поздно случится. Пока я жил с вами, он не уходил. Но стоило мне переехать, он сразу же почувствовал себя... нет, не свободным! Как бы это точнее сказать? Словом, с него спала та ответственность, за тебя, за меня, за ту иллюзию семьи, что вы оба так упорно создавали.

– Неправда! У нас была семья, а он ее разрушил.

– Пойми, мать, не было семьи! Единственным связующим звеном здесь был я! Не стало меня – и разом все рухнуло. Разве не так? Если бы я ушел в восемнадцать, то и вы бы разбежались сразу же! Я же прекрасно видел, как тяжело вам обоим было. Теперь вы оба свободны. Это к лучшему.

– Ты что хочешь сказать, что он терпел меня только ради тебя?

– Нет! Он тебя любил, и очень долго любил! Почему вы не смогли понять друг друга, я не знаю. Наверное, потому, что мы все чертовски упрямы. Это, похоже, семейное.

– Ты что, пытаешься оправдать его? После того, как он нас предал?

– Мать, не нужно высоких слов! Он никого не предавал. Я его не оправдываю, но как мужчина прекрасно понимаю. Отлично помню, как он у ног твоих стелился, а ты этого даже не замечала. Я не считаю себя вправе кого-то из вас осуждать или оправдывать. Вы сами выбирали свою жизнь, никто вам не мешал строить ее так, как вам это было нужно. Что уж теперь пилить опилки? Время ушло, назад его не вернуть.

– Ты видишься с ним?

– Не часто, но вижу. Чаще, правда, созваниваюсь.

– Он спрашивает обо мне?

– Нет. Мы о том, что произошло, вообще не говорим. И тебе тоже стоит забыть все плохое. Если хочешь что-то вспомнить, попробуй вспоминать о том, как вам было хорошо вместе. Все! Я полетел, времени в обрез. Завтра или послезавтра заеду, привезу тебе проспекты, буклеты и прочую рекламку. Пока! – Он оставил недопитый чай и исчез так же внезапно, как и появился.

Заурчал во дворе мотор, и снова навалилась тишина. Татьяна постояла на кухне и вернулась в комнату, где до последнего времени жил ее бывший муж. Теперь еще и сын расстроил ее. Выходит, он уже давно знал, что у них с Андреем неладно в жизни! Только почему она, мать и бывшая жена, узнает об этом последней? Неужели нельзя было просто с ней поговорить, объяснить? Почему Андрей не сказал... Хотя нет, именно об этом он всегда и говорил ей, только она не хотела этого слышать! Действительно, ну куда ему было деваться? *Не* высокий, *не* молодой, *не* красавец, *не* сказать чтобы богатый. Да только не у дел осталась она. Мама все время твердила о том, что он ей не пара, а вдруг все было наоборот? Мысль страшная, крамольная неожиданно пришла Тане в голову. Вдруг и впрямь *она* не соответствовала ему, а он, Андрей, тащил на себе семью, старался как-то заручиться благожелательностью ее, Татьяны, да только постоянно натывался на холодность и равнодушие. Мама утверждала, что его не нужно баловать, она и не баловала, за малейшую провинность отказывала, а он терпел, скри-

пел зубами, но терпел, проводил ночи без сна и терпел. И выходит, теперь, когда сын начал самостоятельную жизнь, его терпению наступил предел, не потому ли он так легко согласился и безропотно, не скандаля, собрался и ушел? Тогда получается, что, прислушиваясь к мнению мамы, подруг, что уже давным-давно развелись, *она сама* разрушила собственный дом? Как же могло так получиться? Да! Раньше она несколько раз подавала на развод, но Андрей уговаривал ее, успокаивал, и они жили дальше, а в этот раз он даже на суде не проронил ни слова, только безропотно соглашался со всеми обвинениями. Ему уже было все равно! А ведь он просил не так уж и много! Таня первое время и сама сильно страдала, отказывая ему в близости. В постели Андрей становился необыкновенно чутким и ласковым, но время делало свое дело, а когда он вовсе перестал ее беспокоить, на какое-то время Таня даже вздохнула спокойно. Но, как оказалось, напрасно. Убивая чувственность в себе, она сама всякий раз все дальше и дальше отталкивала от себя мужа, пока не оттолкнула так далеко, что вернуть его стало уже невозможно. От осознания непоправимой ошибки, от обиды, от жалости к самой себе Таня заплакала. Она плакала навзрыд, и некому было ее утешить, никто не обнял ее, не прижал к широкой крепкой груди, не сказал добрых слов.

Через месяц Волошин предложил Гале познакомиться с его родителями. Она восприняла это несколько настороженно. Замолчала надолго и только вечером, уже лежа в постели, объяснила причину:

– Саша, ты ведь практически ничего не знаешь обо мне. Я понимаю, вслед за знакомством с родными ты предложишь выйти за тебя замуж. Я не хочу тебя расстраивать, потому что люблю тебя. Меня совершенно не пугает разница в возрасте. Поверь, я очень бы хотела родить тебе ребенка. Но существует одно немаловажное обстоятельство, которое препятствует нашему счастью. Чтобы выйти за тебя замуж, мне нужно вначале развестись.

Немного помолчав, Галя продолжила свой рассказ:

– Приключившаяся со мной история не отличается новизной. В мире все повторяется. Я вышла замуж в конце пятого курса. Он, в белом кителе, при кортике, стал для меня эталоном мужества. Я влюбилась с первого взгляда, и это решило все! Можно сказать, что я сама женила его на себе. Но у него закончился отпуск, и ему пришлось вернуться на Север. Если бы ты знал, какие письма он писал мне! Когда он возвращался на базу, я приезжала к нему, мы чудесно жили. Я была самой счастливой женщиной на свете. Каждый год во время отпуска мы ездили с ним отдыхать. Объездили весь Крым, он очень общительный человек, с ним всегда было весело и интересно. Я была с ним счастлива. До самого последнего времени.

У меня была очень близкая подруга, она живет в соседнем подъезде. Три года назад она родила ребенка. Одна. Я помогала ей всем, чем могла. Ты понимаешь, мы ведь дружны с ней со школы, восемь лет просидели за одной партой. Мы были с ней настолько близки, что она даже с нами каждый год в отпуск ездила. Конечно же она была без ума от моего мужа, так же как и я. Только в тот вечер, когда ты меня подобрал на остановке, выяснилась вся ужасная правда. Муж после Нового года приехал в недолгий отпуск. Его лодку поставили на плановый ремонт, и ему удалось выкроить несколько недель. В тот день я отпросилась с работы пораньше, хотелось побыть с ним, ты понимаешь.

Когда я вошла в квартиру... ну, в общем, я застала его в постели с лучшей подругой, но не это самое страшное. Оказывается, ее ребенок, мальчонка, которого я нянчила, оказался от него. Мой муж жил одновременно с двумя женщинами, и мало того, сделал сына не мне, законной жене, а любовнице, которая была моей же подругой. Что я тогда выслушала от них обоих, ты не можешь даже представить. Я ушла и долго бродила по городу. Когда вконец замерзла, ты меня подобрал. Я не знала, как мне жить дальше с этим грузом. Наверное, если бы я не встретила тебя тогда, то наложила бы на себя руки. Ты мне подарил веру в то, что жизнь еще не окончена. Я очень благодарна тебе за все, что ты для меня сделал, но прошу тебя об одном:

не торопись и не торопи меня. Мне нужно еще время, чтобы рана в душе зажила окончательно. Умоляю тебя, потерпи немного! Он сейчас в море, когда вернется из поездки, я подам на развод. Пусть они живут как хотят. У меня есть ты.

– Да, прямо мексиканский сериал! – помолчав немного, сказал Волошин.

– Увы, это правда. Я понимаю, иногда трудно поверить в такое, но я это пережила сама.

– Значит, это из-за него ты убивалась тогда, когда вечером рыдала у меня на кухне?

– Да, тебе, наверное, трудно поверить, но мне в самом деле было очень и очень плохо, я и вправду не хотела жить.

– Ладно, нечего ворошить прошлое, лучше думай о будущем. – Волошин крепче прижал Галю к себе, и вскоре она уже спокойно засопела на его плече.

Волошин задумчиво поглаживал плечо Гали и мечтал о том, как замечательно у них все сложится. Какие у них будут прекрасные дети, как он будет с ними гулять, как поведет первый раз в школу, как они будут подрастать на его глазах. В том, что все сложится именно так, а не иначе, он в тот момент был абсолютно уверен.

Утром Волошин отвез Галю на работу, а сам поехал пробивать место под небольшую авторемонтную мастерскую. Вопрос уже назрел достаточно остро, нужно было где-то обслуживать свои машины, не за горами была покупка очередного микроавтобуса. А это уже собственный автопарк. Вопрос нужно было решать в кратчайшие сроки. По пути он заехал к родителям. Выйдя на пенсию, они практически все время жили за городом, в городскую квартиру наведывались очень редко. Поэтому сына видели лишь во время его наездов в деревню.

Поговорив со стариками, Волошин обнадежил их, что в этом году женится обязательно, и отправился дальше.хлопот, как обычно, было много.

* * *

Она всю жизнь завидовала Татьяне. У той всегда жизнь складывалась намного лучше и легче. Замуж они вышли практически одновременно, но вот мужья оказались совершенно разные.

Ее первый муж начал пить вскоре после рождения ребенка, причем весьма основательно. Менял одну работу за другой и нигде не мог удержаться. Но в отличие от Андрея жил дома, а не мотался по вечным командировкам. Да и дом основательно обустраивал, правда, когда бывал трезв. Промучившись несколько лет, она выгнала своего благоверного. Оставшись одна, с ужасом обнаружила, что все мужчины, ранее вившиеся вокруг нее, моментально куда-то исчезли! Она представляла для них интерес, лишь пока была замужем: одно дело – ни к чему не обязывающий служебный роман с замужней женщиной, и совсем другое – когда женщина не прочь сама выйти замуж. Осознать такое, когда тебе всего-то двадцать шесть лет, – страшно! Но еще хуже стало потом. Она была темпераментна, и это обстоятельство серьезно угнетало. Время от времени просто хотелось выть, настолько нужен был мужчина. Они, конечно, появлялись, но ненадолго. Лет через десять она окончательно поняла, что найти мужа просто невозможно! У подруг же семьи оказывались на редкость крепкие. Она с завистью смотрела, как они все свободное время проводят вместе. То же происходило и в семье Татьяны.

Бывая в доме Татьяны, она частенько в глазах Андрея видела откровенный голод, но на ее намеки он никак не отреагировал. Когда он уезжал в очередную командировку, Таня, не особо стесняясь, рассказывала о своей семейной жизни. По всему выходило, что такого мужа, как Андрей, еще поискать. А Таня еще хвасталась, что, мол, за доступ к телу он способен чуть ли не на коленях ползать. Ей очень льстило, что она имеет такую власть над мужем.

После увольнения из армии оказавшийся вдруг на виду Андрей давал много поводов для подозрений в неверности. Не в том дело, что ей стало обидно за Татьяну, просто тот давний отказ, что она получила, сыграл определенную роль. Она начала словно бы невзначай инфор-

мировать Татьяну о похождениях Андрея. Та поначалу расстроилась, но затем решила не придавать этому значения. Только известно, капля камень точит. Каждую неделю она доводила до Тани очередную сплетню, в конце концов, когда нечего было сказать, она не гнушалась немного пофантазировать. Вот теперь, после того как Таня развелась, ей хотелось, чтобы та испытала на себе, каково это жить одной, что чувствует женщина, когда рядом с ней нет мужчины.

Как назло, Татьяна отделалась лишь легким испугом. А у нее тем временем уже были такие проблемы, что на мелкие пакости Тане просто не осталось времени. В том, что она серьезно завязла, не было ни малейших сомнений. То, что происходило на собраниях Общества, вначале было, конечно, очень интересно, но затем она почувствовала, что уже больше не может обходиться без волнующего запаха благовоний, безудержного секса с членами Общества. Когда сам Учитель пригласил ее на закрытое собрание, она еще ни о чем не догадывалась, лишь позже, когда пришла в себя в комнате среди множества обнаженных тел, до нее начал доходить смысл происшедшего. Но тем не менее ей очень понравилось ощущение полета и невероятной чувственности, которое она испытала. Следующее собрание состоялось лишь через месяц. Она ждала его уже с нетерпением. И вновь, едва она ощутила руки Учителя на своем теле, всю ее буквально пронзило ощущение восторга и неземной радости. После нескольких подобных собраний она уже не могла получать ни малейшего удовлетворения с другими мужчинами, ей нужны были только «свои». Так уж случилось, что Учитель с самого начала начал ей доверять. Очень скоро он стал давать ей небольшие поручения. В том числе и передать кому-нибудь палочки благовоний. Стыдно признаться, но она начала понемногу воровать эти самые палочки. Стоило их зажечь в комнате, и секс с любым, самым захудалым мужчиной превращался для нее в фейерверк.

Беда только в том, что Учитель заметил пропажи и как-то раз призвал ее для откровенного разговора. С тех пор она стала невероятно зависима от Учителя. Ей приходилось выполнять более ответственные поручения, а также привлекать новых членов в Общество, но с другой стороны, ежемесячные пожертвования на нужды Общества для нее лично значительно уменьшились.

Она понимала, что вся пирамида замыкалась далеко не на одном Учителе, но вырваться из круга уже не могла. Терпеть в ожидании очередного собрания становилось все труднее. Теперь она решила, что пора привлечь в Общество и Татьяну.

Сын приехал на следующий день, ближе к вечеру. Даже не позвонив предварительно, он вошел в дом, столько лет бывший для него родным, и прямо с порога начал интенсивную обработку матери на предмет поездки к морю:

– Вот смотри, это предложения на июнь. Египет, Кипр, Румыния, Турция, Украина. У тебя паспорт открытый?

– Нет, я не собиралась никуда ехать.

– Так, значит, тогда Турция, Египет и Украина, выбор небогатый. Но тоже не так уж и плохо.

– Я не полечу самолетом, ты об этом знаешь.

– Ну, мать! Поезд в Египет пока еще не придумали. Может, тогда в Крым?

– Чем? Автобусом? Нет! Слишком долго ехать.

– Тогда остается совсем скудный выбор. Побережье. А тут предложений не так уж и много. Вот посмотри, всего-то четыре варианта. Выбирай, я лично остановился бы на этом. Маленький пансионат, и фотографии из Интернета я уже скачал. Мне кажется, есть о чем подумать.

– Бронислав, я не хочу никуда ехать, потом нужны деньги, а у меня их, как ты понимаешь, не так много.

– Не думай о деньгах, я оплачу все расходы. Ты лучше решай, что с собой брать будешь.

– Вот когда ты начинаешь принимать решения за других, ты мне очень напоминаешь твоего отца!

– Ну, хоть в чем-то я же должен на него походить. Все! Читай, разбирайся, думай, у меня еще дел по горло. Пока! – Чмокнув Таню в щеку, сын быстро вышел из дома, и через минуту его машина уже выезжала со двора.

Таня вновь осталась одна. В принципе, а почему бы не съездить отдохнуть? Она уже сто лет не была на море, вот только ехать одной как-то непривычно, но, может быть, удастся уговорить Лорика? Телефон у подруги упорно не отвечал. Тогда Таня позвонила матери. Та подняла трубку почти сразу.

– Мамочка, добрый вечер, ты не очень занята?

– Добрый вечер, Танюша! Нет, я сегодня никуда не собираюсь. Ты хочешь со мной поговорить?

– Да, мама. Понимаешь, сын предлагает мне съездить к морю, а я не знаю, как поступить: с одной стороны, хочется, а с другой – ехать одной как-то скучно.

– А у тебя что, нет никакого друга?

– Какого друга, мама? Я не поняла!

– Так ты же развелась со своим хамом! Я думала, у тебя есть кто-то на примете, как это сейчас называется... бойфренд. А что, я разве не права?

– Мама, у меня нет никого, ты же сама об этом прекрасно знаешь!

– Очень плохо, что нет! Могла бы и подумать о своем будущем.

– Мама, но ведь я была замужем!

– Ну и что? Раньше у тебя ухажеров было вполне достаточно!

– Только они тебе не нравились. Кстати, и замуж я вышла вопреки тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.